

Научная статья
УДК 82-31: 82-32: 821.581
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-51
EDN JLILBL

**«Республика Южного Креста» Валерия Брюсова
и «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ:
нравственная зооморфизация в олигархических антиутопиях**

Леонид Викторович Дубаков^{1✉}, Ли Юйтин²

¹Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

²Аспирант филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²kamikazeli@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9797-434X>

Аннотация. В статье производится сравнение рассказа В. Я. Брюсова «Республика Южного Креста» и романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» с точки зрения их жанровой и стилевой принадлежности к антиутопии. Актуальность исследования определяется неослабевающим интересом литературоведения к жанру антиутопии, к особенностям его развития в литературе прошлого и литературе современной, также – особым вниманием российских и китайских учёных к параллелям между национальными литературами. Новизна исследования обуславливается отсутствием работ, посвящённых установлению образных, мотивных и идейных пересечений между указанными произведениями В. Я. Брюсова и Лао Шэ. В статье описываются жанровообразующие и стилеобразующие признаки антиутопии, которые можно обнаружить в «Республике Южного Креста» и «Записках о Кошачьем городе», осуществляется последовательное сравнение особенностей образов главных героев и жителей государств в целом, их внутреннего мира, их общественного и политического устройства, хронотопа и т. д. Устанавливается, что тип антиутопии в обоих произведениях может быть охарактеризован как олигархическая антиутопия, основной мотив существования которой – удержание власти и получение прибыли. При различных культурных установках и разном историческом контексте создания «Республики Южного Креста» и «Записок о Кошачьем городе» между ними имеется однозначное базовое сходство: в результате действия государственной системы и отхода жителей от духовной и психической нормы происходит их нравственная зооморфизация.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов; Лао Шэ; олигархическая антиутопия; жанровообразующие и стилеобразующие признаки; образные и мотивные переклички; нравственная зооморфизация

Для цитирования: Дубаков Л. В., Ли Юйтин «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова и «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ: нравственная зоомор-

© Дубаков Л. В., Ли Юйтин, 2024

физация в олигархических антиутопиях // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 51-64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-51>. <https://elibrary.ru/JLILBL>.

Original article

The Republic of the Southern Cross by Valery Bryusov and Cat Country by Lao She: moral zoomorphization in oligarchic dystopias

Leonid V. Dubakov¹✉, Li Yuting²

¹Candidate of philological sciences, associate professor, Faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

²Postgraduate student, Faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²kamikazeli@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9797-434X>

Abstract. The article presents a comparative analysis of V. Ya. Bryusov's story The Republic of the Southern Cross and Lao She's novel Cat Country from the point of view of their dystopian genre and style. The relevance of the study is due to the growing interest of literary criticism in the genre of dystopia, in the specifics of its development in the literature of both the past and the present. Russian and Chinese scholars pay special attention to the parallels between the national literatures. The novelty of the study is determined by the lack of works devoted to establishing figurative, motive and ideological parallels between V. Ya. Bryusov's and Lao She's works. The authors describe the genre-forming and style-forming features of dystopia in The Republic of the Southern Cross and Cat Country, and compare the specific features of the main characters and the inhabitants of the states as a whole, their inner world, their social and political structure, the chronotope and so on. It is stated that the type of dystopia in both works can be characterized as oligarchic dystopia, the main motive of its existence being to keep power and make profit. With different cultural attitudes and different historical backgrounds of The Republic of the Southern Cross and Cat Country, there is a clear basic similarity between them: as a result of the state system actions and the inhabitants' drifting away from the spiritual and mental norm, their moral zoomorphization takes place.

Key words: V. Ya. Bryusov; Lao She; oligarchic dystopia; genre-forming and style-forming features; figurative and motive parallels; moral zoomorphization

For citation: Dubakov L. V., Li Yuting The Republic of the Southern Cross by Valery Bryusov and Cat Country by Lao She: moral zoomorphization in oligarchic dystopias. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 51-64. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-51>. <https://elibrary.ru/JLILBL>.

Введение

В российском литературоведении существуют различные взгляды

по поводу жанра «Записок о Кошачьем городе» (1932) Лао Шэ. Одни исследователи называют это произ-

ведение аллегорической сатирой, другие считают его научной фантастикой [Семанов, 1981; Лаврова, 1995], говоря о нём как о социально-фантастическом романе. Вместе с тем имеется множество работ, говорящих о «Записках о Кошачьем городе» именно как о романе-антиутопии [Антиповский, 1967; Минова, 2006; Корягина, 2016; Лазуткина, 2019; Ищенко, 2020].

О рассказе В. Я. Брюсова «Республика Южного Креста» (1905) в литературоведении более однозначная позиция. Например, по мнению Э. С. Даниеляна, В. Я. Брюсова вообще можно рассматривать как одного из первых писателей, начавших полноценно разрабатывать жанр антиутопии в России [Даниелян, 2002]. А. Е. Ануфриев рассматривает «Республику Южного креста» как антиутопию среди других брюсовских рассказов начала XX века, входящих в цикл «Земная ось» [Ануфриев, 2017]. С. А. Ильина исследует антиутопический хронотоп этого произведения [Ильина, 2017].

«Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ и «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова написаны в разные годы и разных культурах. Очевидно, что русский писатель не мог быть знаком с «Записками о Кошачьем городе», потому что умер за несколько лет до его написания, также и Лао Шэ не читал брюсовского рассказа из-за отсутствия его перевода на китайский язык. Однако оба эти произведения

были написаны в переломные для России и Китая эпохи, и, вероятно, потому в контексте их жанровой близости можно обнаружить имеющиеся между ними образные и мотивные переклички.

Жанровообразующие и стилеобразующие признаки антиутопии: психология героя и массы

Б. А. Ланин в статье «Анатомия литературной антиутопии» выделяет *двенадцать признаков*, которые отличают антиутопию [Ланин, 1993]. *Во-первых*, это спор с утопией или утопическим замыслом. Речь идёт о возможном споре с конкретной утопией, актуальной для автора антиутопического произведения. *Во-вторых*, псевдокарнавал, в основе которого лежит тотальный страх. Этот страх сопряжён с благоговением перед властью и насилием и с желанием поиска врагов. Обнаружение врагов приносит героям антиутопии облегчение, поэтому широко распространённым явлением оказывается доносительство. *В-третьих*, театрализация действия, связанная с потерей героями, пребывающими в атмосфере тотального страха, ощущения подлинной реальности. *В-четвёртых*, эксцентричность главного героя, вследствие своих сомнений выпадающего из мира, привычного и понятного для других действующих лиц антиутопии. *В-пятых*, ритуализация жизни, нарушаемая героем антиутопии, обретающим свой собственный жизненный путь. *В-шестых*, особая

роль сексуальности. С одной стороны, в мире антиутопии секс строго регламентирован и даже подавлен. С другой – главный герой рассматривает секс как способ сохранения своего «я». *В-седьмых*, аллегоричность, которая рассказывает о мире антиутопии посредством животных образов. Причём это является не только способом иносказания, но и маркером деградации жителей антиутопии. *В-восьмых*, присутствие утопии в антиутопии, которое обеспечивает выявление их генетического родства, их зеркального соприсутствия и, наконец, их саморазоблачения. *В-девятых*, наличие в антиутопии фантастических элементов, позволяющих вообразить мир будущего. *В-десятых*, застывшее время. Антиутопия изображает мир, основной характеристикой которого оказывается статичность. Мир утопии реализовался, и он как бы не требует перемен. *В-одиннадцатых*, замкнутое пространство, в котором находится частный человек, и обладающее реальным статусом пространство надличностное, принадлежащее обществу и государству. *В-двенадцатых*, аффективные состояния героев – страх, стремление к насилию, садомазохизм, желание смерти.

**Антиутопические миры
В. Я. Брюсова и Лао Шэ:
составляющие нравственной
зооморфизации**

Опираясь на жанровообразующие и стилиобразующие признаки антиутопии, выделенные Б. А. Ланиным, проанализируем сходства и отличия «Республики Южного Креста» и «Записок о Кошачьем городе».

1. В «Республике Южного Креста» существует скрытое противоречие с идеей утопии. У Лао Шэ оно не является одним из смысловых центров, Брюсов, напротив, делает спор между утопией и антиутопией зримым. Конституция Республики Южного Креста кажется воплощением крайней народной власти. Единственными гражданами, как бы обладающими полными правами, считаются рабочие металлургических заводов. Правительство обеспечивает рабочих всеми удобствами, учебными заведениями, местами развлечений и даже предметами роскоши. Однако «за демократическими установками скрывалась жёсткая иерархическая система отношений» [Ануфриев, 2017, с. 46], диктаторский режим, который представляет собой «самодержавную тиранию членов-учредителей бывшего треста» [Брюсов, 1989, с. 75]. Вся власть сосредоточена в руках Совета, который контролирует экономическую жизнь страны, внутренние и внешние дела. Но тирания Совета принимается жителями Республики, потому что большинство убеждено в её благотворности.

Кошкизм – утопическое учение, «согласно которому люди-кошки живут друг для друга <...> общество представляет собой большой слаженный механизм, каждый человек в нем играет роль винтика или шестерёнки, но все работают спокойно и счастливо» [Лао Шэ, 1969, с. 102] – в «Записках о Кошачьем городе» – также является учением-«ширмой». Высокая цель кошкизма, с одной стороны, и сопутствующие политические и общественные решения, вроде обобществления разного рода собственности и упразднения императорской власти и утверждения народоправства – с другой, в реальной истории оборачиваются большим количеством жертв, а также нравственным и политическим переждением лидеров кошкизма и деградацией гражданского сознания. Маленький Скорпион, рассказывающий главному герою о кошкизме, называет одной из причин провала этого учения то, что люди-кошки риторикой и софистикой подменяют реальные и последовательные действия. Вместе с тем между строк прочитывается и отсутствие учёта людьми-кошками специфики человеческой природы, легко отступающей от общих интересов ради своих собственных. Также – готовность легко поступаться национальными интересами ради реализации своих политических амбиций. Наконец, опасность пути радикальных и реактивных преобразований, приводящих ко всеобщему и умножающемуся насилию. Таким образом, утопия кошкизма естественным образом

сменяется антиутопией вырождающегося общества Кошачьего города. В конечном итоге, и мнимая демократия Республики, и несостоявшаяся демократия Кошачьего царства становятся одной из причин для распада государственности. В случае Республики этому распаду предшествует «противоречие» – массовое психическое заболевание.

2. Когда болезнь входит в полную силу, Республику поражает страх, который вызывает к жизни насилие. Оно охватывает Республику на всех уровнях. Насилие проявляют больные по отношению к здоровым. Насилие проявляют здоровые по отношению к больным. Насилие проявляют преступники по отношению к обывателям. Наконец, насилие проявляет государство по отношению к гражданам. Страх и отчаяние парализуют Республику подобно Кошачьему городу, сдавшемуся на милость завоевателю, что не знает никакой жалости. При этом важно заметить, что страх существовал в Республике всегда, но не выходил на поверхность: Совет инициировал политические убийства тех, кто всё-таки протестовал против сложившегося положения вещей, содержался штат шпионов, была тайная полиция.

В Кошачьем городе также много насилия и страха перед ним. Они обыденны и распространились повсеместно. Первая встреча с людьми-кошками путешественника, попавшего на Марс, оборачивается болью. Насилие и страх в Кошачьем городе проявляют себя в разных сферах – в образовании, в семейной жизни и

т. д. Кошачий город деградирует и возвращается на уровень первобытных инстинктов: простые желания и простые реакции. Страх обессиливает людей-кошек, и когда приходят иноземные захватчики, кошачья цивилизация оказывается уничтожена из-за неготовности к сопротивлению.

3. Среди первых ярких случаев «противоречия» Брюсов в «Республике Южного Креста» приводит эпизоды, связанные с искусством, похожие на театральные акции. Посетитель в музее переворачивает картины, скрипач в концерте нарушает пьесу «ужаснейшими диссонансами» [Брюсов, 1989, с. 78], артист в театре стреляет не в себя, как это должно было быть согласно роли, а в зрительный зал, в Театре Фейерверков наряд городской полиции поджигает сцену. Звёздный город, столица Республики, в которую стекались таланты со всей земли и где были «лучшие оперы, лучшие концерты, лучшие художественные выставки» [Брюсов, 1989, с. 76], переживает псевдокарнавал – помешательств, грабежей, насилия, смертей, убийств, самоубийств.

У Лао Шэ жизнь в Кошачьем городе – это театр абсурда, тогда как в Республике Южного Креста – театр, в котором ставится трагедия. Лао Шэ предлагает, в том числе комическую подачу абсурдной реальности, тогда как Брюсов избирает исключительно серьёзную интонацию. Кошачий город – это театральный мир, устроенный по законам карнавала. Так, каждый, кто претендует в нём на ту или иную власть, в результате оказывает-

ся более похож на псевдокороля, «шутовского короля», чем на серьёзную фигуру. Чем больше рассказчик узнаёт о Кошачьем городе, тем больше недоумевает. В связи с театрализацией действия по-особенному прочитывается и рассказ о посещении рассказчиком театра Кошачьего государства. Театральная жизнь людей-кошек напоминает театр абсурда, так как его развитие обращено вспять, в прошлое. В целом, карнавальное «шествие» – это перечень государственных учреждений Кошачьего города: «... министерство проституции, институт дурманных листьев, управление кошачьими, эмигрантами, министерство борьбы с иностранными товарами, палата мяса и овощей, комитет общественной торговли сиротами...» [Лао Шэ, 1969, с. 121-122]. Мир людей-кошек у Лао Шэ настолько ужасен, что рождается ощущение полной нереальности происходящего (помимо всех фантастических допущений). Если в технической и политической антиутопии «Республики Южного Креста» есть добрая память о мертвой традиционной гуманистической культуре и, вероятно, вера в свободу личности, то в антиутопии, созданной в «Записках о Кошачьем городе», нет ни того, ни другого.

4. В «Республике Южного Креста» есть герой, выпадающий из привычного мира. Но это не герой скептик, как Маленький Скорпион или Большой Ястреб, это герой-борец. Орас Дивиль, председатель Городского Совета, получает диктаторскую власть и в меру своих воз-

можностей наводит в Республике порядок или, как минимум, противопоставляет наступающему хаосу. В отличие от мудрых Маленького Скорпиона, уходящего от борьбы, и Большого Ястреба, приносящего в жертву свою жизнь (в целом, судьбы обоих этих героев – мрачная эксцентрика, при которой самоубийство выглядит как акт сохранения совести), Орас Дивиль сражается с болезнью как прагматик и в постоянном режиме. Он оказывается также летописцем происходящего в Республике: он ведёт журнал до последнего момента, когда потерявшая разум толпа взяла приступом Ратушу.

5. В «Записках о Кошачьем городе» жизнь ритуализирована. У Лао Шэ, впрочем, это своеобразная ритуализация, построенная на сочетании хаоса и попытке порядка. Кошачье общество социально и профессионально регламентировано, есть кошачьи солдаты, ученые, писатели, купцы и т. д. Причём их статус присвоен им ещё до рождения, он определяется происхождением и родословной. В свою очередь он устанавливает уровень образования, которое они могут получить. Жители Кошачьего города довольны своим уделом и охотно существуют в рамках соответствующих иерархий. Вместе с тем общественный порядок постоянно разрушается стайным коллективизмом людей-кошек. Кошачье общество – это относительно послушное, «среднее» общество, намекающее на традиционную китайскую культуру среднего положения, где сосуществуют лучшие и

худшие. Философия жизни людей-кошек является дурной интерпретацией этого срединного пути. В Кошачьем государстве такой путь омертвевает и становится саморазрушительным. Люди-кошки при этом оказываются чрезмерно осторожными перед лицом чужих культур и жестокими по отношению к любому другому – внешнему или внутреннему. Ритуализированность и срединность существования постепенно ведут к гибели Кошачьего государства.

В Республике Южного Креста «При кажущейся свободе жизнь граждан была нормирована до мельчайших подробностей [Брюсов, 1989, с. 75]. <...> Все получали одинаковую пищу в одни и те же часы» [Брюсов, 1989, с. 76] и т. д. Можно сказать, что форма правления в Республике – олигархический тоталитаризм, мимикрирующий под демократию рабочих и допускающий некоторые косметические отступления, вроде большей свободы частной жизни. Кошачье государство, где одними из самых влиятельных оказываются люди-кошки наподобие Большого Скорпиона, также можно охарактеризовать как олигархическую державу с поправкой на периодически проявляющуюся стихийную свободу демоса.

6. После того, как жители Республики заболели «противоречием» и наступил хаос, стремление к удовольствиям заменило сдержанность в желаниях, на поверхность вышел животный эротизм, «человек-зверь» [Брюсов, 1989, с. 86]. Матери се-

мейств и невинные девушки предаются разврату. «Падение нравственного чувства» [Брюсов, 1989, с. 86] доходит до сексуального насилия над детьми, садистических пыток и даже каннибализма. Однако этот разгул сексуального наступает не только вследствие чрезвычайных обстоятельств, его корни скрываются в тайной жизни Звёздного города. И раньше, вне упорядоченной государством жизни, жителей Республики «притоны соблазняли всеми формами разврата» [Брюсов, 1989, с. 76].

Если в рассказе Брюсова стихия дурной сексуальности поднимается со дна человеческих сознаний, где она пребывала в подавленном состоянии, то у Лао Шэ в Кошачьем городе сексуальное изначально не является скрытым или подавленным: люди-кошки изначально живут в согласии со своей животной природой и вследствие этого находятся в постоянном состоянии нравственного полураспада, который их обезличивает.

7. В «Записках о Кошачьем городе» животная образность заложена, начиная с названия повести. Люди-кошки – это аллегория многообразных дурных качеств, которые Лао Шэ наблюдал у своих современников. Также форма кошки – это знак деградации жителей государства, описываемого Лао Шэ. Так, Маленький Скорпион, говоря о системе воспитания у людей-кошек, замечает, что оно «превращает человека в зверя» [Лао Шэ, 1969, с. 90]. Причём в романе присутствует двойное «понижение»: кошки сравниваются с другими животными, и эти сравне-

ния имеют негативный характер. Кошки схватили рассказчика, и ему стало так противно, будто его всего «обвили змеи» [Лао Шэ, 1969, с. 15]. Листья дурмана рассказчик называет скотской пищей. Описывая Большого Скорпиона, он говорит, что нос и рот у него слиты, как у свиньи, шерсть у него как птичье оперение, и в целом он похож на «суеящегося муравья» [Лао Шэ, 1969, с. 25]. Сравнение с муравьём (скорее, положительным образом в культуре) «снижается» автором: «Улица по-прежнему была заполнена прохожими, которые напоминали муравьев – но только суматошностью, а не трудолюбием» [Лао Шэ, 1969, с. 107]. Люди-кошки словно недомуравьи: «Муравьи и пчелы тоже не размышляют о своем будущем, но их спасает инстинкт, а у вас и этого нет» [Лао Шэ, 1969, с. 109]. У избитого Большого Скорпиона шерсть слиплась, как у «водяной крысы» [Лао Шэ, 1969, с. 3]. Крики жителей Кошачьего государства напоминают рассказчику «треск цикад, пытающихся заглушить вой осеннего ветра» [Лао Шэ, 1969, с. 52]. Солдат-кошка замирает перед рассказчиком, как «лягушонок перед водяной змеей» [Лао Шэ, 1969, с. 129]. Политические объединения люди-кошки называют сворами (помня о собаках). Политики у них – это «старые лисы» [Лао Шэ, 1969, с. 104]. Наконец, двойное «понижение» проявляется в номинации главных героев – отца и сына Большого и Маленького Скорпионов.

Последнее, в усиленном виде, можно увидеть и в «Республике Южного Креста» Брюсова. Когда эпидемия захватила город, то проявился «человек-зверь», «зверское веселие и зверская злоба» [Брюсов, 1989, с. 88], «скотское сладострастие» [Брюсов, 1989, с. 87], а в финале рассказа люди уже «походили на диких животных по своей свирепости» [Брюсов, 1989, с. 90].

8. В повести Лао Шэ утопия, генетически связанная с антиутопией, присутствует лишь потенциально – в желании рассказчика найти в людях-кошках хоть что-то хорошее. Но стремление жителей Кошачьего государства реализовать кошкизм приводит их только к большей крови, к жертвам и государственному и общественному хаосу. В конце двенадцатой главы в мечтах рассказчика появляется образ альтернативного Кошачьего государства: «В моём воображении рисовались радужные картины: Кошачий город перестроен, превращен в огромный цветник. Кругом чистота, порядок, стоят красивые скульптуры, щебечут птицы, играет музыка...» [Лао Шэ, 1969, с. 60]. Настроение этого видения совпадает с настроением людей-кошек: они всё время пребывают в состоянии дурмана, но пассивность их мечты уничтожает возможность прекрасной реальности.

Брюсовская Республика Южного Креста выглядит именно как утопия, основанная в южнополярных областях, как бы на новом, чистом месте, за пределами территориальных и политических споров великих миро-

вых держав. Название столицы – Звёздный город – отсылает, например, к «Городу Солнца» Т. Кампанеллы и некоторым другим писателям и философам [Ануфриев, 2017, с. 46]. Но если «Город Солнца» описывает теократическую утопию, основанную на религии, магии и природном символизме, то Республика Южного Креста – это утопия олигархическая, капиталистическая: реальная власть находится у членов-учредителей бывшего треста, идеология которых – прибыль, которую обеспечивает порядок. Интересно, что утопию брюсовской Республики, кажется, не поколебала даже эпидемия: в конце рассказа говорится о предпринимателях, что уже снова открыли гостиницы и собираются ещё открыть кафе-шантан.

9. В «Записках о Кошачьем городе» фантастика сконцентрирована вокруг идеи о межпланетных перелётах. Рассказчик прибывает на космическом корабле на другую планету и видит существ как бы инопланетной расы.

В «Республике Южного Креста» фантастическим оказывается существование города в Антарктиде. Согласно рассказу, он освещается и отапливается электричеством, а над городом утроена огромная крыша. Мир Республики – это вариант земного технического рая. Фантастика для Лао Шэ – средство для создания ситуации, в которой он может говорить о современной ему реальности, для Брюсова – фантастика есть реальность будущего.

10. В брюсовской Республике действуют суровые установления. Одно из них – комендантский час, после сигнала о котором людям не разрешается выходить на улицу. Жизнь в Звёздном городе замерла на десятилетия без названной причины, хотя эта причина восстанавливается, исходя из логики государственного устройства: люди, прикрепленные к заводам, живут по рабочим часам, и это структурирование времени распространяется и на их частную жизнь. Кроме того, время в Республике статично: «Обозначая время, автор указывает лишь день и месяц, без отсылки к году» [Ильина, 2017, с. 96].

Время в «Записках о Кошачьем городе» также имеет иллюзорный характер, оно почти не связано с историей и социальными переменами. Кошачье государство – древнее, оно имело свою собственную политическую, экономическую и образовательную систему ещё, когда многие страны Марса были населены дикарями. «У людей-кошек была своя история и двадцатитысячелетняя цивилизация» [Лао Шэ, 1969, с. 25], но на протяжении этого времени их жизнь была наполнена бесстыдством и стяжательством правителей, политиков, помещиков и ученых – наверху, внизу – невежеством, эгоизмом и слепотой простых людей-кошек. «Свобода» была высшим идеалом для кошачьего народа, и на протяжении тысячелетий это понятие на кошачьем языке означало нежелание сотрудничать и нарушение дисциплины. Время в Кошачьем городе –

это время деградации, а приход завоевателей уничтожает время людей-кошек полностью, вместе с ними. Можно сказать, что происходит апокалипсис их культуры.

11. Рассказ «Республика Южного Креста» изображает замкнутое пространство. Звёздный город, как и Город Солнца Кампанеллы, расположен на земле, отъединённой от всех остальных (остров – у Кампанеллы, Антарктида – у Брюсова). «Республика противопоставлена остальному миру в самых разных аспектах: и по возрасту (это самое молодое государство), и по нетипичности своего происхождения (она возникла из треста сталелитейных заводов) <...> Обособленность территории подчёркивается и оппозицией север (Северная Европа) – юг (Южный полюс)» [Ильина, 2017, с. 96]. «Замкнутость пространства акцентируется отсутствием окон в зданиях, которые освещаются электричеством» [Ильина, 2017, с. 96]. Звёздный город (подобно задуманному Угрюм-Бурчеевым в виде «прямой линии» городу Непреклонску [Салтыков-Щедрин, 1950, с. 135]) выстроен геометрически: на полюсе, где проходит земная ось и от которой расходятся меридианы. По меридианам проложены его улицы, которые пересекаются с другими параллельными кругами. Город Солнца Кампанеллы пересечён крестом улиц – по сторонам света – и опоясан кругами других улиц по числу планет. Согласно закону, все городские здания построены по единому образцу, даже интерьеры комнат одинаковы. Во

всех стенах нет окон, потому что все здания освещаются изнутри электричеством.

В Кошачьем городе пространство подавляет не своей геометрической состоятельностью, но своей геометрической безликостью и архитектурной неполноценностью. Мир Кошачьего государства полон упадка и разложения как в отношении зданий, так и людей. Здесь нет ворот, поэтому единственный способ войти в город – это взобраться на стены. Отсутствие ворот – это метафора культурной изоляции и стагнации нации. Город людей-кошек выглядит оживлённым, но его планировка проста, как у военного лагеря: «Здесь не было улиц и переулков, только дома и пустырь, точнее – большой пустырь с множеством бесцветных домов» [Лао Шэ, 1969, с. 52-53]. У этих домов, как и в Брюсовской Республике, нет окон – здесь люди-кошки сами закрылись от внешней реальности. Пространство кошачьего мира – пространство естественного подавления психики, большое пространство Кошачьего города и малое, частное пространство (дома людей-кошек) – это пространство разрушения. Люди-кошки заражены энтропией, они черпают её из внешней реальности и одновременно проецируют её наружу из самих себя. В кошачьем мире – inferнальный ландшафт: «Душа этой культуры может попасть только в ад» [Лао Шэ, 1969, с. 133].

12. Жители антиутопического мира плодят множество аффективных состояний. Люди-кошки Лао Шэ ленивы и полны инертности, крайне

эгоистичны, невежественны, нечистоплотны, похотливы, наполнены страхом и склонны к насилию. В конце романа, когда враг уже рядом, люди-кошки по-прежнему, как и раньше, убивают друг друга, и в результате их остается только двое, и тех схватил враг и посадил в большую деревянную клетку. «Они продолжали драться в клетке, пока оба не покусали друг друга до смерти; таким образом, кошки сами завершили свое истребление» [Лао Шэ, 1969, с. 191]. Таким образом, страсть к убийству и направленность к самоубийству доходит у людей-кошек до буквального предела.

В жителях Брюсовской Республики просыпаются такие страсти, которые не часто встретишь у животных или представишь у первобытных людей. При погружении жизни в хаос в жителях Звёздного города возникает желание насилия, в том числе связанного с удовлетворением сексуальной страсти; их эрос соответствует силе их танатоса, и они устраивают «пир во время чумы». «Ростки этих аффектов-грехов – в подавленной свободе жителей Республики» [Ануфриев, 2017, с. 46]. Это также их протест против внеприродности существования и «бездуховности технократического общества, когда люди совершают алогичные и кровавые преступления» [Гречишкин, 1981, с. 152].

Заключение

«Республика Южного Креста» В. Я. Брюсова и «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ содержат жанрово-образующие и стилиобразующие

признаки антиутопии. Причём между этими произведениями, при отсутствии непосредственного соприкосновения, тем не менее существуют множественные образные и мотивные переклички. У жителей Кошачьего государства Лао Шэ и Республики Брюсова в целом разные причины превращения реальности, которая мыслилась или мечталась как утопическая в антиутопическую, что связано с различными культурными установками и разным истори-

ческим контекстом создания произведений. Однако в основе государственных антиутопий, описанных русским и китайским автором, лежит принцип тотального принуждения к несвободной жизни. В результате действий олигархической системы, там и там нацеленной на удержание власти и получение прибыли, и отхода жителей от духовной и психической нормы, люди в Кошачьем государстве и Республике превращаются в «животных».

Библиографический список

1. Антиповский А. А. Раннее творчество Лао Шэ. Темы, герои, образы. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Институт восточных языков Академии Наук СССР. Институт Дальнего Востока. Москва : Наука, 1967. 187 с.
2. Ануфриев А. Е. Фугурологические прозрения В. Брюсова в рассказах-антиутопиях начала XX века // *Advanced Science*. 2017. № 4(8). С. 46.
3. Брюсов В. Я. Республика Южного Креста // *Избранная проза*. Москва : Современник, 1989. С. 73-92.
4. Гречишкин С. С. Новеллистика Брюсова 1900-х годов (сборник рассказов и драматических сцен «Земная ось») // *Русская литература*. 1981. № 4. С. 150-160.
5. Даниелян Э. С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван : Лингва, 2002. 175 с.
6. Ильина С. А. Антиутопический хронотоп в рассказе В. Я. Брюсова «Республика Южного Креста» // *Аллея науки*. 2017. Т. 1, № 14. С. 95-99.
7. Ищенко В. С. Жанр антиутопии в китайской литературе (на материале романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе») // *Языковая личность и перевод : материалы V Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков, посвященного 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 12–13 ноября 2020 года*. Минск : Белорусский государственный университет, 2020. С. 229-231.
8. Кампанелла Т. Город Солнца. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. 175 с.
9. Корягина Т. О. Критерии антиутопии на основе анализа романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» // *Молодой ученый: вызовы и перспективы : сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции*, Москва, 14–24 декабря 2016 года. Москва : Интернаука, 2016. С. 46-51.
10. Лаврова Т. Китайская фантастика: Краткий библиографический справочник // *Сверхновая американская фантастика*. Москва : Ладомир, 1995. №2. С. 123-157.

11. Лазуткина О. А. Проблема жанра «Записок о Кошачьем городе» Лао Шэ в контексте антиутопии Е. Замятина «Мы» // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Международной научной конференции, Донецк, 31 октября 2019 года / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Донецкий национальный университет, 2019. С. 139-141.
12. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154-163.
13. Ланин Б. А. Русская антиутопия XX века / Б. А. Ланин, М. М. Боришанская. Москва : Онега, 1994. 248 с.
14. Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе // Записки о Кошачьем городе: Роман и рассказы : (Пер. с кит.) / [Сост. и предисл. В. И. Семанова] ; [Илл.: А. П. Плахов]. Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. 199 с.
15. Минова Р. Ю. «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ: проблема жанра // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 126-130.
16. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1950. 200 с.
17. Семанов В. И. От переводчика // Лао Шэ. Избранное / сост. и ред. А. А. Файнгар, предисл. Н. Т. Федоренко. Москва : Прогресс, 1981. С. 185.
18. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Москва : ЛКИ, USSR, 2007. 162 с.

Reference list

1. Antipovskij A. A. Rannee tvorcestvo Lao Shje. Temy, geroi, obrazy = Lao She's early creative work. Themes, heroes, images / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Institut vostochnyh jazykov Akademii Nauk SSSR. Institut Dal'nego Vostoka. Moskva : Nauka, 1967. 187 s.
2. Anufriev A. E. Futurologicheskie prozrenija V. Brjusova v rasskazah-antiutopijah nachala XX veka = V. Bryusov's futurological insights in his anti-utopian stories of the early twentieth century // Advanced Science. 2017. № 4(8). S. 46.
3. Brjusov V. Ja. Respublika Juzhnogo Kresta = The Republic of the Southern Cross // Izbrannaja proza. Moskva : Sovremennik, 1989. S. 73-92.
4. Grechishkin S. S. Novellistika Brjusova 1900-h godov (sbornikrasskazov i dramaticheskikh scen «Zemnaja os'») = Bryusov's novelistic work of the 1900s (collection of short stories and drama scenes "Earth Axis") // Russkaja literatura. 1981. № 4. S. 150-160.
5. Danieljan Je. S. Valerij Brjusov. Problemy tvorcestva. Erevan : Lingva, 2002. 175 s.
6. Il'ina S. A. Antiutopicheskij hronotop v rasskaze V. Ja. Brjusova «Respublika Juzhnogo Kresta» = Anti-utopian chronotope in V. Ya. Bryusov's short story The Republic of the Southern Cross // Alleja nauki. 2017. T. 1. № 14. S. 95-99.
7. Ishhenko V. S. Zhanr antiutopii v kitajskoj literature (na materiale romana Lao Shje «Zapiski o Koshach'em gorode») = The genre of dystopia in Chinese literature (on Lao She's novel Cat Country) // Jazykovaja lichnost' i perevod : materialy V Mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma molodyh perevodchikov,

posvjashennogo 100-letiju Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 12–13 nojabrja 2020 goda. Minsk : Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 229-231.

8. Kampanella T. Gorod Solnca = The City of the Sun. Moskva-Leningrad : Izdvo AN SSSR, 1947. 175 s.

9. Korjagina T. O. Kriterii antiutopii na osnove analiza romana Lao Shje «Zapiski o Koshach'em gorode» = Dystopia criteria based on the analysis of Lao She's novel Cat Country // Molodoj uchenyj: vyzovy i perspektivy : sbornik statej po materialam XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 14–24 dekabrja 2016 goda. Moskva : Internauka, 2016. S. 46-51.

10. Lavrova T. Kitajskaja fantastika = Chinese science fiction: Kratkij bibliograficheskij spravocnik // Sverhnovaja amerikanskaja fantastika. Moskva : Ladomir, 1995. №2. S. 123-157.

11. Lazutkina O. A. Problema zhanra «Zapisok o Koshach'em gorode» Lao Shje v kontekste antiutopii E. Zamjatina «My» = The genre issue of Lao She's Cat Country in the context of E. Zamyatin's dystopia We // Doneckie chtenija 2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 31 oktjabrja 2019 goda / Pod obshh. red. S. V. Bepalovoj. Doneck : Doneckij nacional'nyj universitet, 2019. S. 139-141.

12. Lanin B. A. Anatomija literaturnoj antiutopii = The anatomy of literary dystopia // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 5. S. 154-163.

13. Lanin B. A. Russkaja antiutopija XX veka = Russian dystopia in the XX century / B. A. Lanin, M. M. Borishanskaja. Moskva : Onega, 1994. 248 s.

14. Lao Shje. Zapiski o Koshach'em gorode = Cat Country // Zapiski o Koshach'em gorode: Roman i rasskazy : (Per. s kit.) / [Sost. i predisl. V. I. Semanova] ; [Il.: A. P. Plahov]. Moskva : Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1969. 199 s.

15. Minova R. Ju. «Zapiski o koshach'em gorode» Lao Shje: problema zhanra = Lao She's Cat Country : genre issues // Istoricheskaja pojetika zhanra. 2006. № 1. S. 126-130.

16. Saltykov-Shhedrin M. E. Istorija odnogo goroda = The History of a Town. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1950. 200 s.

17. Semanov V. I. Ot perevodchika = From the translator // Lao Shje. Izbrannoe / Sost. i red. A. A. Fajngar, predisl. N. T. Fedorenko. Moskva : Progress, 1981. S. 185.

18. Shadurskij M. I. Literaturnaja utopija ot Mora do Haksli: problemy zhanrovoj pojetiki i semiosfery = Literary utopia from More to Huxley: problems of genre poetics and semiosphere. Moskva : LKI, USSR, 2007. 162 s.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 18.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024